

Юлия Барлова

Помогать нельзя
наказывать,
терпеть нельзя
просить?

Бедность и помощь
нуждающимся
в социокультурном
пространстве Англии
Нового времени

Pax Britannica

Юлия Барлова

**Помогать нельзя наказывать,
терпеть нельзя просить? Бедность
и помощь нуждающимся в
социокультурном пространстве
Англии Нового времени**

«Алетейя»

2018

УДК 94(410)"16/18"
ББК 63.3(4Вел)5-28

Барлова Ю. Е.

Помогать нельзя наказывать, терпеть нельзя просить? Бедность и помощь нуждающимся в социокультурном пространстве Англии Нового времени / Ю. Е. Барлова — «Алетейя», 2018 — (Рах Britannica)

ISBN 978-5-907030-74-9

Монография приоткрывает для читателя интересную и малоизученную страницу истории Нового времени, связанную с восприятием бедности и социальной помощи в Англии, ставшей родоначальницей основных и общепризнанных принципов социальной политики. Впервые проанализированы и переведены на русский язык сочинения о бедности таких мыслителей, как Иеремия Бентам, Фредерик Мортон Иден, Джонас Хенуэй; читателю предоставлена возможность взглянуть на бедность глазами английских художников и карикатуристов Нового времени, познакомиться с популярными сочинениями-наставлениями для бедняков, с рецептами «экономного потребления» как средством выхода из нужды. В отечественный научный оборот впервые вводится такой вид источников, как письма-прошения пауперов о социальной помощи. Анализируя законодательство о бедных, практики «открытого» и «закрытого» социального призрения, общественно-политические дебаты о бедности, материалы художественной и массовой культуры, автор пытается выяснить, как в английском обществе отвечали на вопрос: помогать нуждающимся или же наказывать их за нужду; терпеть беднякам свою печальную участь или же не стесняться просить о помощи. Монография представляет интерес как для студентов, аспирантов и преподавателей общественных дисциплин, так и для широкого круга читателей.

УДК 94(410)"16/18"
ББК 63.3(4Вел)5-28

ISBN 978-5-907030-74-9

© Барлова Ю. Е., 2018

© Алтейя, 2018

Содержание

Предисловие	7
Введение	9
Глава 1	19
Социальная структура английского общества в новое время	19
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Юлия Барлова
Бедность и помощь нуждающимся
в социокультурном пространстве
Англии Нового времени

Рецензенты:

доктор исторических наук, профессор *А.Б. Соколов* доктор исторических наук, профессор *С.Е. Федоров*

В оформлении обложки использована картина Уильяма Бичи «Портрет детей сэра Френсиса Форда, дающих монетку нищему мальчику», 1793

© Ю.Е. Барлова, 2018

© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2018

Предисловие

Когда в далеком 2007 году я начала изучать историю бедности и отношения к этому явлению, многие высказывали сомнение в актуальности избранной темы: *зачем изучать то, от чего мы, слава богу, ушли?* Экономика нашей страны, действительно, в то время была на подъеме, «лихие 90-е» казались канувшим в лету кошмаром, все большее число людей могли себе позволить то, что раньше казалось им роскошью: автомобили, поездки за границу, дорогие предметы быта, «фирменная» одежда...

По мере того, как я работала над этой темой, ситуация менялась, и сегодня бедность, нищета, отношение к этим явлениям, как и к тем, кто столкнулся с ними, помощь нуждающимся со стороны общества и государства – крайне актуальные, злободневные и болезненные вопросы. Опрос, проведенный в мае 2017 года социологами ВЦИОМ среди 1600 человек в 46 регионах России, показал, что почти 40 % респондентов испытывают нехватку средств на еду или одежду, 41 % считает затруднительной покупку крупной бытовой техники и мебели. Позволить себе большее сегодня могут, по мнению опрошенных, 17 % россиян. Разрыв между богатыми и бедными, по многим оценкам, продолжает увеличиваться, как и численность населения, живущего в бедности. Все это вызывает у людей беспокойство и тревогу, рождает социальное недовольство, ведь уже никем не оспаривается тот факт, что страх остаться без средств к существованию входит в «тройку» самых сильных страхов человека наряду со страхом смерти и одиночества.

Вместе с тем, проблема имеет еще одну сторону, о которой социологи и экономисты вспоминают не всегда: очень часто бедность означает *«ощущение себя бедным»* – когда человек, не испытывая крайней нужды, сталкивается, тем не менее, с невозможностью поддерживать «приличный», как ему видится, уровень жизни, придерживаться тех стандартов потребления и быта, которые *«приняты»* в его социокультурной среде. Именно этот фактор порой играет критическую роль, когда ребенку из небогатой семьи покупают гаджет, стоимость которого превышает месячный заработок родителей, когда люди берут неподъемные кредиты, чтобы в восприятии других соответствовать определенному уровню жизни.

К сожалению, эта деформация в психологии – одно из неизбежных последствий развития «общества потребления», хотя и при экономике социализма многие были готовы «все отдать» за такие символы богатства, как дача, автомобиль, гараж и т. п. Два сильных чувства – *страх* оказаться в «разрушительной и катастрофической» бедности и *социальный стыд* за свое плачевное и угнетенное состояние – определяют, таким образом, жизнь и поведение человека, изо всех сил карабкающегося по карьерной, экономической и социальной лестнице.

Таким образом, при изучении бедности очень важно не упустить такой компонент, как изучение *отношения* к этому явлению, *восприятия* его как теми, кто беден (или считает себя таковым), так и теми, для кого это явление – нечто из «параллельной реальности».

Отношение к бедности состоит из нескольких «ступеней». Это, во-первых, отношение к самим понятиям «бедность» и «богатство»; во-вторых, это отношение к причинам, по которым одни люди оказываются в нищете, а другие «купаются в роскоши»; в-третьих, это отношение к самим людям, оказавшимся в бедности или нужде. Совокупность этих «отношений» моделирует поведение человека, который, в зависимости от своей позиции, определяет, нужно ли помогать нуждающимся, должна ли эта помощь исходить от общества или от государства, имеют ли нуждающиеся право на такую помощь, или же каждый человек несет индивидуальную ответственность за свое положение.

Ответы на эти вопросы также зависят от многих факторов: воспитания, системы ценностей, религии, общественного дискурса, истории, традиций и «коллективной памяти», государственной идеологии и политики, и т. п. Так, например, традиции православия накладывают

на богатых людей, помимо прав и привилегий, особую ответственность: они служат церкви, которая «служит бедным». Бедные почитаются достойными помощи, богатые – достойными служения. Идеология протестантизма, напротив, считает богатство знаком богоизбранности, приверженности ценностной системе, основанной на трудолюбии, бережливости и трезвости, а бедность, соответственно, – знаком «проклятья». В разных обществах и в разные исторические периоды бедность воспринималась и как божественный дар, и как состояние независимости, или, напротив, как кара божья и общественная болезнь, напасть и стигма. Даже сегодня определения этого явления разнообразны: ряд антропологов трактуют бедность как «ограниченность выбора», зарубежные социологи в числе признаков бедности указывают на «отсутствие горячих завтраков, поездок в отпусках, регулярных семейных выходов в рестораны». Бедность подразделяют на *абсолютную* (невозможность удовлетворить даже основные потребности) и *относительную* (невозможность поддерживать уровень «приличествующей» жизни в данном обществе); на *первичную* и *вторичную*, *устойчивую* и *плавающую*, и т. д.

Как и зачем, таким образом, изучать бедность исторически? Ответ на вопрос «как?» может строиться в рамках самых разнообразных исследовательских подходов: это и изучение жизненных условий, быта, норм и ценностей бедных и беднейших слоев в разных обществах и в различные исторические периоды, и анализ эволюции социальной политики и сравнение различных ее моделей; и изучение истории милосердия и благотворительности, и т. д. Но все эти ракурсы выводят нас на проблему *восприятия* бедных и бедности – ведь ответ на вопрос, как решать (и решать ли?) проблемы, связанные с бедностью, во многом зависит от того, как мы воспринимаем или оцениваем бедных как социальную категорию. Восприятие и нравственная оценка бедных в обществе тесно связана с уровнем социальной интеграции, с системой ценностей, и, конечно, с приоритетами в области социальной политики. Последняя дилемма, соответственно, дает ответ на вопрос «зачем?»: для того, чтобы посредством осмысления опыта прошлого поразмышлять об ориентирах для сегодняшнего дня.

Среди государств, имеющих многовековые традиции осмысления проблемы бедности и борьбы с этим явлением, особое место занимает Великобритания, которую даже называют «социальной лабораторией» с точки зрения проработки этого вопроса. Здесь еще в XIII веке появились первые королевские статуты, предписывающие помощь нуждающимся, раньше всех сформировалась комплексная государственная система социальной помощи, развернулись первые в Европе общественно-политические дебаты о природе бедности. Можно сказать, что многие страны, в том числе дореволюционная Россия, перенимали и копировали, с большим или меньшим успехом, английский опыт. Иными словами, становление *социальной политики* в Новое и Новейшее время неразрывно связано с историей Великобритании.

Цель данной книги – приоткрыть для читателя одну из интереснейших страниц английской истории, связанную с трансформацией системы социальной помощи, сложившейся еще при Елизавете Тюдор, в «викторианскую» систему «помощи-наказания» бедняков в тюрьмоподобных работных домах. В течение полутора столетий с помощью законодательства, социальных практик, философских рассуждений и общественно-политической полемики англичане будто бы пытались ответить на вопрос: *помогать* попавшим в нужду или *наказывать* их за лень и нерадивость, *терпеть* бедному человеку свое положение, или же можно *просить* о помощи?

Надеюсь, знакомство с этими непростыми перипетиями может стать дополнительным штрихом к пониманию систем и механизмов социальной политики и социальной помощи, существующих сегодня, в том числе в нашей стране, и, кроме того, поможет читателю сформулировать свою личную позицию по этому сложному, но крайне актуальному в современных условиях вопросу.

Введение

Должная помощь бедным – это подлинная проверка для цивилизации.

Условия жизни низших, особенно беднейших классов – истинный показатель национального развития.

(Самуэль Джонсон, 1779)

Британия – страна, имеющая долгую и непростую историю развития системы социальной помощи в виде пресловутого «треугольника» взаимоотношений между государством, обществом и теми социальными слоями, которые нуждаются в государственной и общественной поддержке. Эта история была полна смелых решений, удачных и провальных экспериментов, драматических поворотов.

Традиционно выделяют несколько этапов этой истории применительно к эпохе Нового времени. Начало первого этапа корнями уходит в средневековье, в XIII век, когда в Англии появились первые королевские статуты, предписывающие помощь нуждающимся. Второй этап – это эпоха правления знаменитой династии Тюдоров, которая стала свидетелем небывалого взлета частной благотворительности и филантропии, строительства домов призрения, возникновения бесплатного медицинского обслуживания для беднейшей части населения. В это же время было принято первое в Европе систематизированное законодательство об обязательной социальной помощи – так называемое «Елизаветинское законодательство о бедных», которое еще называют «Старым законодательством».

Третий этап – «Век Просвещения» – был отмечен появлением, со стороны государства, целой серии законодательных актов, по сути, являвшихся поправками к «Елизаветинскому законодательству» и регулировавших, например, вопросы трудовой миграции, зародившийся институт работных домов, систему дотаций малоимущим, вопросы поддержки отдельных категорий нуждающихся, и т. п. В этот период Англия становится государством с самым большим объемом налоговых отчислений в пользу бедных среди стран Европы. Со стороны общества этот же этап был отмечен взлетом «добровольного» сектора социального призрения – появлением и развитием организаций самопомощи для трудящейся бедноты.

Следующий этап – «викторианский»: его символом становится возникший на английском политическом ландшафте после реформы 1834 года злобный облик «нового» работного дома как цитадели жестокости, цинизма и бесчеловечности в отношении самых уязвимых слоев населения. Именно таким это учреждение описано в романах Чарльза Диккенса и других классиков критического реализма.

Пятым этапом можно считать конец XIX – начало XX вв., когда в Англии зародились идеи социального либерализма и были проведены важные социальные реформы (создана система государственного социального страхования, существенно расширено законодательство, регулирующее трудовые отношения и пр.), на основе которых в середине XX века сформировалась модель социально-экономического и политического устройства, получившая название «государства всеобщего благосостояния» («Welfare State») и основывавшаяся на принципах равенства возможностей, справедливого распределения национального дохода и ответственности общества за уровень жизни тех людей, которые не в состоянии обеспечить себя самостоятельно. Опыт конца XIX – начала XX в. во многом определялся сочетанием традиционной для классического либерализма концепции самопомощи, сориентированной на предоставление низшим классам возможности самим защищать свои интересы, и набиравшей силу политико-идеологической концепции *социально-ориентированного государства*.

Чем объяснить такие крутые повороты в политике в отношении бедных в Новое время? И можно ли их считать действительно «крутыми поворотами», ведь сама природа британского реформизма подразумевает, как считается, не замену старых институтов и установлений новыми, а постепенное, «бережное» вытеснение первых последними? Ведь именно в «консервативности радикализма» в Англии, где любые *реформы* всегда стимулировались *традициями* и шли на уровне практики, не будучи ни санкционированными, ни приемлемыми в теоретических формулировках, историки усматривают корень относительной «безболезненности» английского исторического развития?

Ответы на эти непростые вопросы невозможны без анализа периода XVIII – первой половины XIX в., в причудливой форме сочетавшего черты «старой» и «новой» систем социальной помощи и, можно сказать, воплотившего собой расхожее выражение о том, что в Британии реформы законодательства, политических и общественных институтов «не происходят, а постепенно вырастают».

Характерно, что даже свидетельства современников-иностранцев, посещавших туманный Альбион примерно в одно и то же время и оставивших потомкам свои впечатления об английской системе социальной помощи, крайне противоречивы. Так, граф Алексис де Токвиль в 1833 году определял степень помощи бедным в Англии как «излишнюю» и удивлялся, насколько там велик процент населения, зависящий от организованного милосердия, и насколько высок средний уровень жизни, на который может рассчитывать даже бедный человек.¹ Совсем иное мнение высказывал современник Токвиля и, можно сказать, его коллега – русский историк Николай Михайлович Карамзин, посетивший Англию в конце XVIII века и описавший свои впечатления в «Письмах русского путешественника» (оговоримся, правда, что следует учитывать некоторую «фантазийность» данного сочинения Карамзина; еще знаменитый литературовед Ю.М. Лотман доказал, что его сюжетная линия «не всегда соответствует реальной канве событий»²). Карамзин указывал на то, что в Англии – стране, где по достоинству вознаграждается «всякого рода трудолюбие», – помогут любому несчастному, но только не бедняку, и что здесь «бедность делается пороком», за который следует наказывать.³

Подобная противоречивость свидетельств еще больше подогревает интерес к «странностям» и «несоответствиям» указанного исторического периода. Желание разобраться в особенностях и тонкостях «старой» системы социальной помощи в период ее трансформации в «новую», выявить специфику восприятия англичанами основных элементов этой системы на разных уровнях определяет, соответственно, замысел, хронологические рамки и структуру данной книги.

В первой главе рассматривается *историко-культурный контекст*, в котором «вызревало» законодательство, формировалась идеология и практика социального призрения. Пытаясь провести связь между природой английского общества в XVIII – первой половине XIX вв. и особенностями системы социальной помощи, автор заостряет внимание на обсуждаемой применительно к этому периоду дихотомии «преемственность – трансформация»: в частности, на том, как указанная дихотомия обуславливала изменения в законодательстве о бедных и сказывалась на характере социальных практик «открытого» и «закрытого» призрения нуждающихся.

Вторая глава целиком и полностью посвящена *размышлениям* о бедности в трудах и дебатах интеллектуалов того времени. Мало кто знает, что тема бедности и социальной помощи занимала значительное место в творчестве тех писателей и философов, которые известны широкому кругу читателей совсем в ином ключе. Это, например, знаменитый просветитель

¹ Цит. по: Slack P. Poverty and Policy in Tudor and Stuart England. L., 1993. P. 5

² Подробнее об этом см.: Соколов А.Б., Оситов А.С. История Англии в оценках Н.М. Карамзина // Ярославский педагогический вестник. 2011. № 2. Т. 1 (Гуманитарные науки). С. 67–71.

³ Карамзин Н.М. Письма русского путешественника. М., Правда. 1988. С. 498–499.

Даниэль Дефо, известнейший экономист Адам Смит, великий мыслитель Иеремия (Джереми) Бентам. С другой стороны, огромное внимание вопросам бедности, нищеты и помощи нуждающимся уделяли и те авторы, которые, будучи широко известными за рубежом, практически обойдены вниманием отечественных англоведов. Среди них – знаменитый филантроп Джонас Хэнзуэй, «подаривший» англичанам один из «символов нации» – зонтик – и колесивший по Лондону в экипаже, украшенном лозунгом «Никогда не отчаивайся!», а также английский аристократ сэр Фредерик Мортон Иден, осуществивший скрупулезнейшее исследование положения беднейших слоев в Англии.

В третьей главе мы опускаемся с уровня размышлений и дебатов интеллектуальной элиты на уровень *массовой и популярной культуры*, где проблемы бедности и помощи нуждающимся муссировались, впрочем, не менее активно. Образы бедных и нищих все чаще появлялись в карикатурах и популярной печатной графике – развлекательных картинках, доступных широкому кругу людей. Правила поведения, которые должен был соблюдать бедняк, чтобы «сохранить добродетель и не деградировать в нищету», красной нитью проходили в специальных нравоучительных стихотворениях, предназначенных для заучивания наизусть в воскресных школах, а также в поучительных рассказах для низших слоев, объяснявших бедноте, «что такое хорошо и что такое плохо». В моду вошла «экономная кулинария» – специальные кулинарные рецепты для бедных, позволяющие при малых затратах питаться полноценно и, по мнению авторов, поддерживать скромный, но достойный уровень жизни. Наконец, именно в этот период появились первые «голоса бедности», то есть описания своих бедствий самими нуждающимися – например, в виде письменных прошений о помощи в адрес приходского начальства.

Как эти «срезы» общественного мнения эпохи коррелировали между собой? Можем ли мы говорить о некоем едином интеллектуально-культурном пространстве восприятий феномена бедности, о едином типе «социальной чувствительности» в общественно-политической мысли, в печатной, визуальной, устной культуре Британии – или же то, что писали и о чем дискутировали философы и парламентарии, не имело ничего общего с тем, как воспринимали ту же проблему простые люди и уж тем более сама беднота?

К счастью, прошлое оставило нам немало следов, по которым можно восстановить хрупкую сферу восприятий. Несмотря на то, что, на первый взгляд, источники для изучения этой темы не лежат на поверхности, они начинают «проявляться», и довольно ярко, если историк формулирует «правильные» вопросы, которые можно задать традиционным свидетельствам – даже таким, как, казалось бы, вдоль и поперек исследованные парламентские материалы, продукты общественно-политической мысли и пр.

В целом источники по теме можно разделить на несколько групп.

Первая группа – официальные документы. Сюда входят тексты законопроектов (биллей), парламентских актов, указов и постановлений,⁴ а также иные материалы парламента и образуемых им органов – например, отчеты и рекомендации специальных королевских комиссий или комитетов по расследованию отдельных вопросов государственной важности.⁵ Некоторые отчеты и рекомендации вышеуказанных комиссий, впрочем, посвящены довольно узким вопросам. Это, например, малоизвестный «Отчет о целесообразности ношения «позорящей» одежды для матерей-одиночек, претендующих на социальную помощь», анализ которого выво-

⁴ См. напр: Elizabethian Poor Laws 1597–1601 – тексты законов (электронный ресурс) – режим доступа: // http://www.en.wikipedia.org/wiki/Elizabethian_Poor_Law; Journals of the House of Commons. – London. Vol. XXXII–XXXVIII; The Parliamentary History of England, from the Earliest Period to the Year 1803. – Ed. W. Cobbett. – In 36 vol. – London, Bagshaw. – 1806–1820. – Vol. XV–XXVI; The Parliamentary Register. – Ed. J. Debrett. – 2nd Series, 45 vol. – L. – 1781–1796.

⁵ См. напр.: The poor law report of 1834. – ed. by S. G. and E. A. O. Checkland L., Penguin. 1974; Report of the Devon Poor Law Commission. 1845; Report from the Select Committee on the Poor Laws (1817); Report from the Select Committee on the Poor Laws (1819), Report from the Select Committee on Labourers' Wages (1824); Report from His Majesty's commissioners for Inquiring into the Administration and Practical Operation of the Poor Laws. London, B. Fellowes, 1834; The reports of the Society for Bettering the Condition and Increasing the Comforts of the Poor. Vol. 1. 1798.

дит на более сложную проблему восприятия «женской бедности» и гендерного аспекта социального призрения.⁶

Несмотря на то, что законодательство о бедных в интересующую нас эпоху, называемое по-английски «Old Poor Law», в России, как правило, переводят буквально – «Старый Закон о бедных», это не один закон, а более пятидесяти парламентских актов, а также поправок к ним, которые доступны не только в парламентских журналах, но и в сборниках исторических документов.⁷ «Хрестоматийным» в этой группе до сих пор считается двенадцатитомное издание на английском языке «English Historical Documents», вышедшее в свет еще в 1959 г. Впрочем, следует отметить, что какого-либо отдельного сборника, который объединил бы в себе все законы, регулирующие проблему бедности в Англии, и поправки к ним, до сих пор не издано.

К группе официальных документов можно также отнести стенограммы парламентских дебатов, которые доступны в журналах палаты общин.⁸ Этот вид источников интересен тем, что позволяет рассмотреть весь спектр аргументов по какому-либо вопросу, выявить «особые мнения», которые отличались от принятого в итоге решения, увидеть различные грани восприятий, дискуссионные полюса обсуждаемой проблемы.

Самую подробную информацию о ходе парламентских дебатов того времени исследователь может почерпнуть из журналов палаты общин – «Journals of the House of Commons», но, поскольку такого рода первоисточники не всегда доступны, представляется разумным обратиться к компиляциям, наиболее подробной из которых (правда, оконченной 1806 годом) считается сборник «Парламентская история», составленный английским историком У. Кобеттом. Основанное на материалах личных коллекций, сообщений в прессе и т. п., это многотомное издание воспроизводит ход дискуссий, имевших место во второй половине XVIII – начале XIX вв. в обеих палатах английского парламента, и традиционно считается «хрестоматийным» источником для изучения парламентских дебатов. Существует, однако, еще одно издание подобного рода – «Парламентский регистр» под редакцией Дж. Дебретта. Этот источник менее доступен, но, на наш взгляд, он выигрывает у «Парламентской истории» в точности воспроизведения парламентских дискуссий, что можно обнаружить, например, при сравнении содержания вышеуказанных изданий с сокращенными версиями дебатов, публиковавшихся в журналах «Annual Register» и «Gentleman's Magazine».⁹

Вторую группу свидетельств составляют продукты научной, общественной и политической мысли – сочинения философов и общественно-политических деятелей, их речи, трактаты, памфлеты. Часть источников данной группы доступна на русском языке. Это, конечно же, относится к сочинениям английских просветителей, которые неоднократно изданы и широко изучены в нашей стране, – Т. Гоббса, Ч. Годвина, Д. Дефо, Ж.-Ж. Руссо, А. Смита, Дж. Свифта, Д. Юма и др.¹⁰ Однако преобладающая часть этой группы источников практически не исследована в России и на русский язык не переведена. Сюда можно отнести, во-первых, не известные у нас произведения – например, памфлет Даниэля Дефо «Подача милостыни – не благотворительность!»¹¹ или трактат Иеремии Бентама «Управление бедными», которые впервые введены

⁶ Ignominious Dress for Unchaste Women in Workhouses. Minute of the Poor Law Commissioners 5th March 1839 pp / 098–100/#4. [electronic resource]: http://www.institutions.org.uk/poor_law_unions/unmarried_mothers.htm.

⁷ См. напр.: *Black J.* The Politics of Britain: 1688–1800. – Manchester University Press. – Manchester and New York. – 1993. – Selected Documents. – 167 P.; *English Historical Documents*. – In 12 vol. – Ed. by D. C. Douglas. – Vol. XI. – London. – 1959. – XXIV + 867 P.

⁸ Journals of the House of Commons. L. Vol. XXXII–XXXVII.

⁹ The Parliamentary Register. Ed. J. Debrett. 2nd Series, 45 vol. L., 1781–1796.

¹⁰ См.: *Гоббс Т.* Избранные произведения. В 2-х т. М., Мысль. 1964; *Годвин Ч.* О собственности. М., 1958; *Локк Дж.* Сочинения: в трех томах. АН СССР. М., Мысль. 1988; *Руссо Ж.-Ж.* Трактаты. М., Наука. 1969; *Смит А.* Исследование о природе и причинах богатства народов. М., изд-во социально-экономической литературы. 1962; *Юм Д.* Исследование о человеческом разумении. М., Прогресс.

¹¹ *Defoe D.* Giving Alms no Charity. L., Printed and sold by the Booksellers of London and Westminster. 1704.

в научный оборот в ряде статей автора данной книги.¹² Во-вторых, это произведения мало изученных или практически не знакомых отечественному читателю мыслителей: Э. Бёрка, Дж. Тауншенда, Ф.М. Идена, Дж. Хэнзуэя, У. Хэзлитта, У. Сабатье, А. Янга и др.¹³

Пресса и популярная публицистика – третья группа исторических свидетельств: неопенимая, хотя и очень тенденциозная. Это предназначенные для широких общественных кругов газеты, журналы, листовки, информационные листки и т. п. В Новое время (как, впрочем, и сейчас) периодические издания и пресса отражали интересы тех, на чьи средства они издавались (правительства, если издание существовало на государственные субсидии, частных лиц или объединений, церкви), и в силу этого были крайне пристрастны в оценке тех или иных злободневных вопросов – в частности, интересующего нас вопроса оценки бедности, бедных и социальной помощи. В книге использованы материалы таких периодических изданий, как «The Times», «Morning Chronicle»,¹⁴ отдельные материалы из популярных журналов по сельскому хозяйству и домоводству,¹⁵ материалы из неопубликованной коллекции английских журнальных и газетных вырезок того времени, собранной нашим соотечественником М.Д. Хмыровым и хранящейся в Государственной публичной исторической библиотеке.¹⁶

Дневники, воспоминания, переписка – продукты частной мысли, не предназначенные для широкого круга лиц, – также дают массу полезных сведений по вопросам восприятия бедности и помощи нуждающимся. В этой группе источников можно обнаружить довольно уникальные экземпляры. Так, в Англии в 1986 г. был опубликован дневник сельского священника из графства Сомерсет Уильяма Холланда, изданный под названием «Нищие и мясники. Дневник Уильяма Холланда, священника из Сомерсета, 1799–1818». Это совершенно удивительный материал «из первых уст», повествующий о ежедневном быте обычного английского прихода, в том числе о его беднейшем населении, об их несчастьях, бедах и маленьких радостях.¹⁷ В эту же группу можно включить и не известный в российской исторической науке источник – собранные в одном сборнике под редакцией Т. Соколла «письма-прошения» о социальной помощи, написанные самими английскими нищими (пауперами).¹⁸

При изучении темы восприятия бедности, конечно же, нельзя обойти вниманием литературно-художественное творчество эпохи. Это, естественно, не только произведения «высокого» искусства и литературы (хотя они составляют весомую часть источников данной группы) – например, хорошо известные у нас повести Чарльза Диккенса, сказки Бернарда Мандевилля, Джонатана Свифта, Чарльза Кигнсли. Не меньшее значение для понимания темы имеют и более «примитивные» литературные сочинения (отметим, *намеренно* примитивные!) – например, нравоучительные рассказы и стихотворения Ханны Мор и Уильяма Бурдона для бедняков о должном поведении и правильном образе жизни.¹⁹ Кроме того, любопытную

¹² *Bentham J.* Management of the Poor. Dublin: James Moore, 1796.

¹³ *Eden F. M.* Observations on Friendly Societies for the Maintenance of the Industrious Classes during Sickness, Infirmity, and Old Age. L., 1801; *Eden F. M.* The State of the Poor (in 3 books). London, G. Rutledge and Sons Ltd. 1928; *Hall Ch.* The Effects of Civilization on the People in European States. New York, 1965; *Hanway J.* An Earnest Appeal for Mercy to the Children of the Poor. L., 1766. 127 p.; *Hanway J.* Virtue in Humble Life. In 2 vol. L., 1774. 601 p; *Hazlitt, W.* Reply to Malthus. Malthus and the Liberties for the Poor. London, Longman, 1807; *Sabatier W.* A Treatise on Poverty, its Consequences, and the Remedy. L., 1797; The Speeches of the Right Honourable William Pitt in the House of Commons. Ed. W. S. Hathaway. In 4 vol. London, Longman. 1806; The Writings and Speeches of Edmund Burke. Ed. By P. Langford. Oxford. 1980–1981; *Townsend J.* Dissertation on the Poor Law by a Well-Wisher of Mankind: Berkeley, Los Angeles, London, 1971; *Young A.* The Farmer's Letters to the People of England. L., 1771.

¹⁴ Morning Chronicle. 1849. September 24, October 18, 19, 23, 26. November 2, 6; The Times. July 11, 1795.

¹⁵ Annals of Agriculture, 1792. Vol. 17; 1798. Vol. 29.

¹⁶ Английский парламент. Газетные и журнальные вырезки из коллекции М.Д.Хмырова (Гос. публ. ист. б-ка). – Том 1. Папки 1, 2.

¹⁷ Paupers and Pig Killers. The Diary of William Holland, a Somerset Parson, 1799–1818. Ed. Jack Ayres. L., Penguin, 1986.

¹⁸ Essex Pauper Letters. 1731–1837. Ed. By T. Sokoll. Oxford University Press. 2006.

¹⁹ См. напр.: The Works of Hannah More. L., 1834; *Burdon W.* Advice, Addressed to the Lower Ranks of Society. Newcastle-Upon-Tyne, 1803.

информацию предоставляют историку кулинарные справочники эпохи, «семейные словарики» и даже путеводители для путешественников. Наконец, огромную роль в восприятии и понимании темы играют *визуальные образы*, которые отличаются от текстовых источников, в первую очередь, так называемой «мгновенной апелляцией» к эмоциям смотрящего, позволяющей быстрее донести желаемую мысль и расширяющей «аудиторию» источника до малограмотных и даже неграмотных людей, не способных читать тексты. К таким образам можно отнести и произведения живописи, и политические и социальные карикатуры, и иллюстрации к книгам и памфлетам, и гравюры XVIII–XIX веков.

Крайне сложно провести границу между источниками по теме и *историографией проблемы*. Уже в произведениях участников интеллектуальных дебатов о бедности Нового времени, чьи труды анализируются нами именно как источники, содержатся и анализ законодательства и социальных практик, и критическое осмысление трудов о бедности своих предшественников и современников. Поэтому к продуктам аналитической мысли, то есть, по сути, к историографии проблемы, мы относим и часть источников конца XVIII – первой половины XIX вв., в которых предприняты первые попытки *исторически* осмыслить английский опыт построения политики в отношении беднейших слоев в рамках «старого законодательства о бедных». В это время рождается направление в оценке «старого законодательства», которое позднее получило название «вигский нарратив» и в основе которого лежала критика дореформенной системы социальной помощи за «*бедноцентризм*», то есть практически безрассудную трату сил и средств государства и общества на неоправданно щедрую помощь тем, кто сам виноват в своем плачевном положении из-за лени, праздности и иных пороков.²⁰

Правда, уже где-то с середины XIX века, когда стали проявляться недостатки «нового законодательства», появились попытки переосмысления старой системы. Одной из первых таких попыток стала «левая», социалистическая трактовка «старого законодательства». Связана она в первую очередь с трудами К. Маркса и Ф. Энгельса. В «Капитале» Маркса появилось хлесткое название «Кровавое законодательство Тюдоров», главными жертвами закона он считал крестьян, согнанных с земель в результате огораживаний и устремившихся за лучшей долей в города. Вторым пунктом его критики были работные дома. Но и он, и Энгельс (последний – в своем труде «Положение рабочего класса в Англии») положительно оценивали компонент *помощи* нуждающимся как таковой и налоговых отчислений в пользу последних.²¹

Позднее, в конце XIX – начале XX века, эта трактовка получила развитие в работах фабианских социалистов, супругов С. и Б. Веббов.²² В это же время появляются первые попытки скрупулезного анализа экономических условий жизни бедноты, – в первую очередь, труд Чарльза Бута «Жизнь и труд жителей Лондона». По словам исследовательницы Г. Химмельфарб, Бут «удалил» моральный компонент восприятия бедности, показав результатами исследования, что 30,7 % населения Лондона можно назвать бедным. «Точность этой цифры была настолько же впечатляющей, как и ее величина, – пишет Химмельфарб. – Скрупулезно исследуя домашнее хозяйство «дом за домом», Бут провел «линию бедности», поместив различные социальные группы на ней, под ней и над ней. Таким образом, он выделил «очень бедных» (пауперы, бездомные, уличные бродяги), и «состоятельных рабочих», располагающихся выше черты бедности. Проблемой Бут предложил считать, таким образом, не бедность как таковую и бедных как единый абстрактный социальный массив, а перспективу попадания тех или иных групп за проведенную им черту бедности».²³

²⁰ Blaug M. The Myth of the Old Poor Law and the Making of the New // *The Journal of Economic History*, Vol. 23, № 2 (June, 1963), pp. 151–184.

²¹ См. напр. Штокмар В.В. Кровавое законодательство Тюдоров против обезземеленных народных масс Англии // Ученые записки ЛГУ, № 130, секция исторических наук, в. 18.

²² Webb S., Webb B. English Poor Law History: Part One. The Old Poor Law. Frank Cass & Co. L., 1929.

²³ Himmelfarb G. The Idea of Poverty // *History Today* 1984 Vol. 34 Issue 4, April. P. 16.

Любопытно, что в России в это же время, напротив, заинтересовались историей английской социальной политики как образцом, по которому следует строить аналогичную сферу деятельности государства. Была учреждена Императорская премия за лучшее исследование в этой области, создана профильная государственная комиссия. В большинстве трудов, посвященных истории английских законов о бедности, критиковалось «старое законодательство» и, напротив, высоко оценивалась «новая система» работных домов. Аргументы авторов были выстроены в духе «вигского нарратива». Так, автор одной из работ ссылался на Э. Бёрка, вслед за которым подчеркивал: «само слово «бедный» требует объяснения. Им принято называть два различных, хоть и родственных класса людей: во-первых, тех, которые действительно ничего не имеют, во-вторых, тех, которые ничего не имеют, кроме физического труда, который и составляет их имущество и служит главным источником богатства. Мы слышали немало планов вспомоществования трудящимся рабочим. Эта надоедливая фраза не так невинна, как глупа... Когда мы жалеем тех, которые должны трудиться, то совсем не считаемся с условиями человеческого существования... Здорового молодого человека, бодрого духом, с сильными руками... я не могу назвать бедным, жалеть его».²⁴ Единственным автором, который предлагал взглянуть на проблему под противоположным углом зрения – с позиции «права» нуждающегося на социальную помощь от государства, – был профессор В.А. Гаген, посвятивший этому вопросу целую серию фундаментальных трудов.²⁵

Следующий «виток» в оценке «старой системы» произошел в первой половине XX века. Назовем его «неолиберальным», т. к., в целом располагаясь в русле традиционной вигской интерпретации, он был лишен ненависти к «бедноцентристской» системе, характерной для риторики первой половины XIX в. Выразитель этого подхода – Дж. М. Тревельян. Он называл «старую систему» «хорошим замыслом», который в силу ошибок в применении привел к росту праздности и преступлений среди бедняков.²⁶ В середине XX столетия появляется интерпретация «старой системы», которую можно назвать «ревизионистской». Классической в этом смысле стала статья Марка Блога «Миф о старом законодательстве о бедных» (1963), в которой автор указывал на то, что в первой половине XIX столетия старая система социальной помощи намеренно очернялась с целью создания необходимого настроя для реформы 1834 года.²⁷ Пол Слэк, автор книг «Бедность и политика в Тюдоровской и Стюартовской Англии» и «Английское законодательство о бедных в 1531–1782 гг.», вообще отказывался признавать термины «старое законодательство» и «старая система», считая, что английские законы о бедных в рамках обеих «систем» служили ряду общих целей: «установлению более строгого социального контроля, облегчению участи части населения и демонстрации щедрости власти, ее милосердия». Именно поэтому английская «система» была, по мнению ученого, более эффективной, чем подобные институты в других странах.²⁸

Оценки «старой системы», существующие в сегодняшнем научном дискурсе, во многом балансируют между «вигским нарративом» и ревизионизмом. Однако в современной зарубежной историографии появляется все больше исследований, нацеленных не столько на *оценку* характера социальной помощи Нового времени, сколько на *изучение конкретных практик* в социальной политике, государственных механизмов регулирования того или иного аспекта – так называемого «репертуара социальной помощи», – который, по словам исследователей Ф. Блока и М. Сомерс, «и сегодня немногим отличается от перечня мер, изобретенных и при-

²⁴ Фауль Т. Призрение бедных в Англии (пер. А.М. Белова). СПб. 1899. С. 3.

²⁵ См. напр. Гаген В.А. Право бедного на призрение. СПб. 1907.

²⁶ Тревельян Дж. М. История Англии от Чосера до королевы Виктории. Смоленск, «Русич», 2002. 602 с. С. 496–497.

²⁷ Blaug M. The Myth of the Old Poor Law and the Making of the New // The Journal of Economic History, Vol. 23, № 2 (June, 1963), pp. 151–184.

²⁸ Slack P. Poverty and Policy in Tudor and Stuart England. L., Oxford, 1993. 246 p.; Slack P. The English Poor Law, 1531–1782. New Studies in Economic and Social History. Cambridge University Press, 1995. 376 p.

менявшихся в Англии в XVII–XVIII вв». Это и утвержденный государством прожиточный минимум, и различные системы страхования от безработицы, и кассы взаимопомощи, это и общественные работы и работные дома, и субсидии работодателям для поддержания ими установленного минимума зарплаты своим работникам, и стимулирование трудовой деятельности, и дотации на детей многодетным и малоимущим семьям, и бесплатная медицинская помощь беднякам по контрактам между врачами и приходами, и пр.²⁹

Указанное направление исследований строится, по сути, вокруг понятия «Welfare State» – «государство всеобщего благосостояния», – то есть вокруг эволюции социальной политики в сторону постепенного усиления роли государства в регулировании и администрировании социального обеспечения и социальной помощи гражданам. Историк Дж. Финлэйсон даже употребляет понятие «Welfare State Escalator», то есть некое поступательное прогрессивное развитие социальной политики в Великобритании с конца XVIII по середину XX вв. Однако он же считает этот подход «небезупречным» и ведущим к «излишней концентрации на государстве» и опущению «добровольного сектора» социальной помощи.³⁰

Отдельную группу современных исследований представляют работы, анализирующие английское «старое законодательство» в компаративном ключе. В русле компаративного подхода располагается, например, фундаментальный труд П. Линдберта, изучавшего и сравнивавшего социальные затраты в европейских государствах с XVIII века по настоящее время. Согласно его выводам, объем государственных затрат на социальную помощь к концу XVIII столетия превышал 1 % национального дохода только в Нидерландах, Англии и Уэльсе. К 1820 же годам Англия и Уэльс, по мнению Линдберта, становятся мировыми центрами социальной помощи – как фактически (2,66 % от национального дохода), так и в публичных дебатах.³¹

Если перечисленные выше исследования сконцентрированы на изучении социальной политики и систем социальной помощи, то в отдельный историографический блок следует выделить труды, предметом исследования которых являются *идеи*, восприятия этих систем в разных социокультурных пластах и коммуникативных пространствах Нового времени.

Особый вклад в понимание идеологического фона, на котором проходила эволюция взглядов на бедность и социальную помощь в Новое время, внесли, на наш взгляд, труды двух знаменитых мыслителей XX в. – Макса Вебера и Мишеля Фуко.

В работе немецкого социолога и экономиста Макса Вебера «Протестантская этика и дух капитализма» (1905) в научный оборот было впервые введено понимание ценностей протестантизма как основы возникновения капитализма и формирования «западного» мировоззрения, основанного на индивидуализме.³² С этой точки зрения идея *личной ответственности человека за свое материальное положение* гармонично накладывалась на ценности «протестантской этики», трактовавшей богатство и преуспевание в делах как свидетельство «богоизбранности», а бедность – как кару господню.

Вклад Мишеля Фуко – знаменитого французского философа, историка, теоретика культуры – видится во введении в исследовательское пространство важного понятия «*новый тип социальной чувствительности*», который, по мнению мыслителя, утверждался во всей Европе уже в XVII столетии и, по сути, вызвал к жизни *саму постановку вопроса о том, виноваты ли бедные в своей бедности и надо ли им помогать*. Впервые Фуко охарактеризировал этот социокультурный феномен как общеевропейский в работе «История безумия в классическую эпоху» (1961); мыслитель интерпретировал его как «намеренную политику «интерна-

²⁹ Block F., Somers M. In the Shadow of Speenhamland: Social Policy and the Old Poor Law // Politics and Society. Vol. 3, № 10. Sage Publications, 2003. P. 11–12, 32.

³⁰ Finlayson G. Citizen, State and Social Welfare in Britain, 1830–1990. Oxf., 1994. P. 2–4, 7.

³¹ Lindert P. H. Growing Public. Social Spending and Economic Growth since the 18th century. Vol. I. The Story. Camb., 2004. P. 8.

³² Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма. М., Прогресс. 1990.

лизации» (изоляции) бедных от остального «добропорядочного» сообщества как части пестрой толпы преступников, маргиналов, безумцев и нарушителей порядка. Идеи, связанные с практиками надзора и наказания в отношении маргинальных категорий населения, к которым отнесены и бедные, проанализированы в другой, не менее известной работе Фуко – «Надзирать и наказывать».³³

Из книг и статей, вышедших во второй половине XX – начале XXI вв. и так или иначе затрагивающих историю идей и восприятий бедности и бедных, выделяется монография немецкой исследовательницы Гертруды Химмельфарб «Идея бедности» (1983).³⁴ Это, без преувеличения, самый фундаментальный труд, вышедший по проблеме осмысления бедности в истории Англии Нового времени (в ранне-индустриальную эпоху, как пишет сама автор). Хронологические рамки работы (1750–1850) тесно связаны с индустриализацией: Англию Химмельфарб называет «первой индустриальной нацией». В первой главе проанализированы взгляды некоторых мыслителей XVIII века – Адама Смита, Эдмунда Бёрка, Уильяма Питта-младшего, Фредерика Мортонна Идена, Джереми Бентама, Томаса Пэйна, Томаса Мальтуса. Во второй части исследована эволюция идеологии в контексте смены системы социальной помощи в 1834 году – в частности, взгляды тех политиков и мыслителей, который эту реформу критиковали. В работе проанализированы и «литературные» примеры интерпретации бедности и бедных – например, в трудах Ч. Диккенса. Социальную политику Нового времени Химмельфарб сравнивает с «качелями, раскачивавшимися между крайностями прогресса и регресса, карательными, репрессивными мерами и щедрой государственной поддержкой».³⁵ Эти колебания она объясняет тем, что одним из ключевых связующих звеньев между проблемой и ее решением являются именно *идеи* – интеллектуальные выкладки о том, как решить проблему, осмысления того, что лежит в ее основе, что превращает ее в *проблему*, требующую решения. Именно идеология, по мнению автора, дает ответ на вопрос о том, как и почему «естественная», непроблематичная бедность одной эпохи становится социальной проблемой в другой эпохе.

Химмельфарб сетует на отсутствие в ее работе «прямых свидетельств бедняков»: «к сожалению, у нас практически нет таких свидетельств, – пишет она. – У нас гораздо больше документов, адресованных таким классам, чем происходящих из их кругов. Даже документы чартистов – это произведения «элиты рабочего класса», не говоря о материалах радикальных газет начала XIX века, где от имени бедных писали репортеры, принадлежавшие, как правило, к среднему классу».³⁶ Отметим, что этот пробел восполнен в одном из разделов данной книги за счет уникального пласта исторических свидетельств «снизу» – писем-прошений пауперов.

В заключение следует кратко охарактеризовать отечественную историографию проблемы советского и «постсоветского» периодов. После революции 1917 года исследования истории социальной политики в нашей стране, можно сказать, прекратились. Под влиянием методологии марксизма изучалась не помощь нуждающимся как средство «снятия» социальных проблем, а, напротив, протестные движения низших классов, классовая борьба. В большинстве словарей эпохи социализма отсутствовало даже понятие социальной политики, вместо которого употреблялись термины «социальное законодательство» или «социальная борьба». Историографические акценты сместились на «кровавое законодательство Тюдоров», массовые протесты и бунты бедноты, радикальные движения. В таком ключе писали корифеи отечественного англоведения – Е.Б. Черняк, Н.И. Ерофеев, В.В. Штокмар, С.Б. Семенов и др.³⁷

³³ См.: Фуко М. Безумие и неразумие. История безумия в классическую эпоху. Спб., «Университетская книга». 1997; Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы (пер. с французского В. Наумова). ООО «Ад Маргинем Пресс», 2015.

³⁴ *Himmelfarb G. The Idea of Poverty. England in the Early Industrial Age. Faber and Faber. 1983.*

³⁵ *Ibid.* P. 6.

³⁶ *Ibid.* P. 14.

³⁷ См. напр. *Ерофеев Н.А. Очерки по истории Англии 1815–1917 гг. М., 1959; Черняк Е.Б. Массовое движение в Англии и Ирландии конца XV – начала XIX вв. М. 1962.; Семенов С.Б. Политические взгляды английских радикалов. Самара. 1995.*

Современное российское англоведение также практически не затрагивает исследуемую тему. Кроме автора данной монографии, «старое законодательство» стало предметом изучения историка О.В. Саламатовой, однако ее работы посвящены более раннему периоду английской истории – эпохе ранних Стюартов – и основной акцент в них сделан не на сфере идей и восприятий, а на изучении практик реализации «старого законодательства о бедных». ³⁸ На другом «хронологическом полисе» находится научно-популярная работа Е. Коути «Недобрая старая Англия», в которой описываются быт, занятия, условия жизни бедноты в лондонских трущобах в Викторианскую эпоху (а применительно к истории законодательства о бедных – в эпоху «нового законодательства»). ³⁹ Косвенно проблемы отношения к бедным и помощи им затронуты в работах историка-англоведа М.С. Осиповой (Айдемировой), объектом исследования которых является история детства, точнее – детей низших слоев в Англии первой половины XIX в. ⁴⁰

В какой-то мере вопрос об истории подходов к «измерению» бедности поднят в отдельных исследованиях современных социологов и экономистов – в частности, в работах социолога В.С. Сычевой. ⁴¹ Представляет известный интерес и библиографический указатель «Проблема бедности в России с в мире», разработанный в помощь студентам, изучающим тему «Проблемы бедности», на базе Новосибирского государственного технологического университета в 2010 году. В указатель включены библиографические описания книг и статей на русском языке, так или иначе связанных с общими аспектами изучения бедности, в том числе, в историческом ключе, вышедших в 2005–2009 годах. ⁴²

В целом же можно констатировать, что для отечественной историографии история социальной политики, восприятий бедности и социальной помощи – относительно новое исследовательское поле.

В этой связи еще раз подчеркнем, что цель исторических очерков, положенных в основу данной книги, – частично заполнить существующую лауну, «приоткрыв» для дальнейших исследований один из ключевых пластов этой «непаханной нивы» – историю отношения к бедности и помощи нуждающимся в стране, ставшей родоначальницей основных принципов современной социальной политики.

Штокмар В.В. Кровавое законодательство Тюдоров против обезземеленных народных масс Англии // Ученые записки ЛГУ. № 130, секция исторических наук, в. 18.

³⁸ См. напр.: *Саламатова О.В.* Проблемы бедности и контроль за нравственностью в Англии в эпоху ранних Стюартов (по материалам судебных сессий графства Миддлсекс) // Вестник Поморского университета. Серия: гуманитарные и социальные науки. 2009. Т. 5. С. 21–28; *Саламатова О.В.* На пути к реформе нравов: проблемы бедности и морали в теории и практике английского государства конца XVI— начала XVII вв. / Вестник Санкт-Петербургского университета. 2010. Серия 2, История. Вып. 2. С. 84–92. 21–28

³⁹ *Коути Е.* Недобрая старая Англия. БХВ-Петербург. 2013.

⁴⁰ См.: *Осипова М.С.* Положение детей-работников на текстильных фабриках в Англии (по материалам выступления Р. Оуэна в парламенте в 1816 г.) // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. Кострома, 2012. № 2. С. 173–176; *Айдемирова М.С.* Преступление и наказание. Подростковая преступность в Англии в первой половине XIX в. // Преподавание истории в школе. № 4. С. 27–31.

⁴¹ См. *Сычева В.С.* Измерение уровня бедности: история вопроса // Социологические исследования. 1996. № 3. С. 141–143.

⁴² Проблема бедности в России и в мире: библиографический указатель. Сост. Л.Б. Кистюнина. Новосибирск, НГТУ. 2010.

Глава 1

Законодательство о бедных и практики социального призрения в Англии конца XVII – первой половины XIX вв

Социальная структура английского общества в новое время

Английское общество Нового времени, по мнению большинства исследователей, представляло собой причудливое сочетание «старого» (существовавшего со времен средневековья) и «нового» (характерного для периода, находящегося на стыке новой и новейшей истории). Эта «причудливость» была характерна для всех сфер общественной жизни – от политики до идеологии, – но в социальной сфере она проявлялась, пожалуй, наиболее ярко. Один из английских историков заметил, что социальная структура «Туманного Альбиона» в Новое время выглядела как *пирамида с узкой верхушкой и чрезвычайно широким основанием*. С этим нельзя не согласиться.

На вершине британской «социальной лестницы» находилась так называемая земельная элита. На сегодняшний день, правда, всё ещё не существует единого мнения по вопросу о том, в какой степени аристократия XVIII столетия оставалась «замкнутой кастой», принадлежность к которой определялась сложившимися в веках экономическими, семейными, политическими, дружескими и другими связями. Следует признать, что английский земельный нобилитет действительно был неким раритетом для Европы XVIII в. – хотя бы в силу того, что титул пэра мог быть либо пожалован королем, либо унаследован, но лишь первенцем аристократа, поэтому число английских лордов мало изменилось за столетие с 1688 по 1780 гг. По словам историка Р. Портера, «английское пэрство везло мало пассажиров, но последних отличало впечатляющее корпоративное единство».⁴³ В то же время, как указывает исследователь Э. Уоссон, в течение XVIII столетия аристократия постепенно разрушала свою замкнутость, включаясь в новые экономические структуры и механизмы.

Так, например, достаточное распространение получили браки между детьми аристократов и «денежных людей». Такие браки были выгодны как лордам, чьи дела начинали приходить в упадок, так и «нуборишам», получавшим аристократический титул. Известно, что управляющий Английского банка и директор Ост-Индской компании, один из богатейших людей того времени Дж. Бэйтмен потратил много усилий на то, чтобы женить на дочери графа Сандерлэнда своего сына, ставшего вследствие этого брака виконтом Бэйтменом.⁴⁴ Иногда пэры посылали сыновей работать в наиболее доходные места – например, в Ост-Индскую компанию – наравне с «простыми смертными». Интересно, кстати, что, несмотря на опасения моралистов и сторонников традиционных ценностей «старой доброй Англии», уже в XVII столетии торговля ценилась и уважалась англичанами. «Наши торговцы, – писал просветитель Д. Дефо, – не такие, как в других странах. – ...Ряд величайших фамилий, даже среди нобилитета, поднялись из недр торговли».⁴⁵ Таким образом, можно предположить, что в XVIII в. англичанин *мог*

⁴³ Porter R. English Society in the Eighteenth Century. L. 1990. P. 55.

⁴⁴ Ibid. P. 70.

⁴⁵ Англия в памфлете. М., Прогресс. 1987. С. 399–400.

изменить свой социальный статус, что свидетельствует о наличии в общественной структуре Великобритании того времени механизмов социальной мобильности.

С другой стороны, стремление рядового члена общества любой ценой взобраться по существующей в то время «лестнице социального престижа» может, в известной мере, служить подтверждением значимости традиционной системы социальной иерархии в общественном сознании. Так, например, среди многочисленного слоя сельских фермеров – арендаторов, к 1790 г. обрабатывавших около 3/4 английских земель, наблюдалась любопытная тенденция: скопив достаточно средств, они старались, как свидетельствуют источники, во всем копировать образ жизни сельского дворянства. «Иногда я вижу пианино в прихожей фермера, – писал по этому поводу раздраженный дворянин-современник, – и всякий раз желаю, чтобы оно стогрело».⁴⁶

Следующий уровень социальной пирамиды и следующая дискуссионная проблема английской истории XVIII в. – так называемые «люди срединного сорта». Вопрос заключается в том, возможно ли говорить о последних как об уже сформировавшемся к XVIII столетию и имевшем четкие признаки и очертания общественном классе. Разница между уровнем жизни и состоятельности тех, кого, как правило, причисляют к «срединным людям» (подобию среднего класса), была довольно значительной. Так, под «сельским средним классом» историки зачастую подразумевают не только вышеупомянутых фермеров-арендаторов, но и мелкое и среднее джентри – т. н. «сельских джентльменов».⁴⁷ Что касается «городского срединного сорта», то к нему чаще всего относят «бизнесменов средней руки». Отдельные элементы городского «срединного слоя» также заметно отличались друг от друга по своему уровню жизни. Так, чтобы завести пивоваренный бизнес, человек должен был обладать начальным капиталом в 10 000 фунтов, для открытия пошивочной мастерской требовалось от 1 000 до 5 000, а для того, чтобы открыть небольшую мясную лавку – и того меньше: от 10 до 100 фунтов. К концу XVIII столетия в Англии проживало около 170 тысяч торговцев-лавочников, владельцев мотелей и таверн, кофеен, мастерских и пр. Не случайно знаменитый экономист Адам Смит называл Великобританию того времени «нацией мелких лавочников».

⁴⁶ Цит. по: *Porter R.* Op. cit. P. 69.

⁴⁷ См. напр. *Wasson E.* The House of Commons. 1660–1945. Parliamentary Families and the Political Elite. // *English Historical Review.* Vol. CVI, 1991. № 420. P. 628.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.